Южный Край № 4232 29 апреля 12

Изъ харьковской театральной старины *.

Харьковскій театръ во времена Млотковскаго (1833—43 годы).

Н. Ч.

Говоря о репертуарѣ харьковскаго театра временъ Млотковскаго, покойный историкъ Костомаровъ, прожившій въ Харьковѣ въ общей сложности болѣе десяти лѣтъ (1833—1844 г.г.) замѣчаетъ: „Надобно отдать честь режиссерамъ харьковской сцены, что піесы, назначенныя къ представленію, брались большею частью сообразно мѣстнымъ условіямъ театра. Не рѣшались представлять того, что по средствамъ театра трудно было поставить надлежащимъ образомъ, какъ это обыкновенно дѣлалось въ провинціальныхъ театрахъ другихъ городовъ, гдѣ ни почемъ казалось угощать публику такими спектаклями, которые и по декораціямъ, и по музыкѣ, и наконецъ, по костюмамъ, и искусству артистовъ не подходили къ провинціальной сценѣ" **. Повидимому Костомаровъ хотѣлъ этимъ сказать, что въ тогдашнемъ харьковскомъ репертуарѣ преобладали легенькія піесы, преимущественно одноактные и двухактные водевили. Въ этомъ можно убѣдиться и изъ театральныхъ объявленій за 1840 годъ. Такъ, напримѣръ, въ теченіе января давали спектаклей состоло исключительно изъ водевилей и „дивертисментовъ". 1-го января, напримѣръ, шли два водевиля въ одномъ дѣйствіи: „Въ тихомъ омутѣ черти водятся" и „Бабушка и внучка". 2-го января были разыграны опять таки два водевиля въ одномъ дѣйствіи: „Мнимый невидимка" и „Дважма", въ заключеніе же былъ данъ „дивертисментъ". 3-го января были даны опять таки два водевиля: „Отецъ, какихъ мало" (въ одномъ дѣйствіи) и „Странчій подъ столомъ" (въ двухъ дѣйствіяхъ). Въ февралѣ тогоже же года одними водевилями исчерпывались четыре спектакля, въ сентябрѣ — три. Спектакли, состоявшіе изъ двухъ маленькихъ піесокъ, конечно, должны были кончаться очень рано. Самымъ яркимъ образчикомъ небольшихъ спектаклей можетъ служить спектакль 16-го января 1840 года. Въ этотъ день шла „драматическая быль" въ одномъ дѣйствіи „Русскій человѣкъ добро помнитъ", и больше ничего, значитъ весь спектакль продолжался часъ или около того. Теперь это показалось бы страннымъ, нитдесятъ же лѣтъ тому назадъ публика еще не привыкла просиживать въ театрѣ до полуночи. Въ Кіевѣ, напримѣръ, въ первой половинѣ 30-хъ годовъ, представленія начинались въ семь, а оканчивались много, много въ десять часовъ *. О тогдашнемъ харьковскомъ театрѣ этого, впрочемъ, нельзя сказать. Нельзя также не сдѣлать оговорки по поводу вышеприведеннаго отзыва Костомарова. Что спектакли ограничивались иногда, и сравнительно, пожалуй, довольно часто, легенькими и маленькими піесами, это правда, но это было далеко не всегда. Говоря же вообще, репертуаръ харьковскаго театра во времена Млотковскаго ничѣмъ не отличался отъ репертуара тогдашнихъ столичныхъ сценъ: большія трагедіи, драмы и мелодрамы, которыя давались въ Петербургѣ и Москвѣ, давались въ Харьковѣ. Въ 1840 году, напримѣръ, въ Харьковѣ были разыграны „Уголино" и „Парана Сибирячка" Полеваго, „Кремневъ" Скобелева, „Фрегатъ Надежда" Писарева, „Красное покрывало" Бахтурина, и цѣлый рядъ піесъ, переведенныхъ съ французскаго и съ нѣмецкаго: „Гризельда" (соч. Гальма), „Прародительница", „Заводскій домъ", (всѣ три піесы переведены Ободовскимъ съ нѣмецкаго), „Инеса-де-Кастро", „Сиповыя короля Эдуарда", (тр. Казимира Делавиньи), „Жако, бразильская обезьяна", „Генріетта", „Матильда", „Пустыня", „Эсмеральда" (пер. съ нѣм. Карагтина), „Преціоза", „Жилая покойницца", „Каспаръ Гаузеръ" (пер. Вальберха), „Сумасшествіе отъ любви", „Венеціанская актриса" (Виктора Гюго), и т. д. Въ томъ же 1840 году было дано и нѣсколько двухъактныхъ переводныхъ драмъ и мелодрамъ: „Кровавая ночь", „Артуръ", „Жена и артистъ" и проч. Изъ большихъ драмъ и мелодрамъ, которыя шли въ 1841 году, можемъ назвать, между прочимъ, столь популярнаго впослѣдствіи „Велизарія" (др. Шенка, пер. съ нѣмецк. Ободовскаго), „Карла Смѣлаго" Дюма, „Дѣдушку русскаго флота" и „Мать Испанку" Полеваго и „Филиппа II" (тр. Альфіери). Въ первой половинѣ 1842 года, въ числѣ другихъ піесъ, были поставлены: „Елена Гринская" Полеваго, „Князь Серебряный" Филимонова и „Скопа-Гуйскій" Кукольника. Комедіи давались очень рѣдко, (изъ комедій, шедшихъ въ 1842 году, можемъ указать только „Уроки матушкамъ" Загоскина). За то время отъ времени давались трехъ и пятиактные водевили въ родѣ „Льва Гурыча Синичкина" Ленскаго или „Добраго генія". Въ репертуарѣ тогдашняго харьковскаго театра входило и нѣсколько малороссійскихъ піесъ: „Наталка Полтавка" и „Москаль чаривникъ" Котляревскаго, „Сватанье на Гончаривци" Квитки, а затѣмъ, уже въ послѣдніе годы антрепризы Млотковскаго, „Шельменко-деньщикъ" и „Щира любовь" того-же автора. Давались во времена Млотковскаго и классическія піесы. Такъ, напримѣръ, въ 1840 г. между прочимъ шли: „Ревизоръ" Гоголя, „Король Лиръ" (въ пер. В. Каратагина) и „Гамлетъ" (въ пер. Полеваго). О „Гамлетѣ" въ одной театральной замѣткѣ 1841 года сказано: „Гамлетъ" (въ пер. Полеваго) нѣсколько отзывался даже Бѣлинскій. Мы уже назвали нѣкоторыя изъ піесъ Квитки, дававшихся при Млотковскомъ, считаемъ не лишнимъ привести по этому поводу болѣе подробныя свѣдѣнія.

Квитка написалъ болѣе десяти драматическихъ произведеній. Одни изъ нихъ были напечатаны еще при жизни автора, другія послѣ его смерти, третьи остались въ рукописи. Изъ всѣхъ этихъ піесъ на харьковской сценѣ игрались только: „Сватанье на Гончаривци", „Шельменко-деньщикъ", „Бой-жинка", „Щира любовь" и „Мертвець—шалунъ".

Въ письмѣ къ Плетневу отъ 26-го апрѣля 1839 года Квитка, разсказывая въ общихъ чертахъ исторію своей литературной дѣятельности, между прочимъ, говоритъ: „Просили меня написать для театра оперу, я собралъ нѣсколько главныхъ здѣшнихъ характеровъ, наполнилъ пѣснями, обрядами, и дѣло пошло въ ходъ". Какая это опера? Вѣроятно, „Купало на Ивана", о которомъ, по словамъ г. Даниленскаго, (см. его „Украинскую старину") упоминаетъ Квитка въ письмахъ къ издателю „Пантеона" Ѳ. А. Кони и о которомъ сообщаетъ П. А. Корсунъ. Другая „опера" Квитки „Сватанье на Гончаривци", издана была въ 1836 году.

Въ письмѣ къ Плетневу отъ 31-го января 1840 года Квитка говоритъ: „Изъ повѣсти „Украинскіе дипломаты" я написалъ комедію и отъ здѣшняго театра получилъ тысячу рублей". Какая это, пьеса очень нравится и не давали нѣсколько разъ, по отзыву (публики), и еще будутъ давать; почему думаю, что и въ повѣсти она принята будетъ". Здѣсь рѣчь идетъ о „Шельменко деньщикѣ". „Шельменко деньщикъ" въ первый разъ былъ данъ на харьковской сценѣ 23-го января 1840 года, а черезъ шесть дней уже былъ повторенъ *. Очевидно, что эта комедія имѣла большой успѣхъ.

Въ 1841 г. была поставлена въ харьковскомъ театрѣ одноактная комедія Квитки „Бой-жинка". Г. Даниленскій говоритъ, что „Бой-жинка" была впервые поставлена на сценѣ въ 1847 году. На какой сценѣ? На сценѣ Александринскаго театра „Бой-жинка" дѣйствительно была поставлена въ 1847 году, въ Харьковѣ же шестью годами раньше. „Въ 1841 году, читаемъ въ некрологѣ Квитки, написанномъ Сементовскимъ, поставлена на (харьковскую) сцену его комедія „Бой-жинка".

Малороссійская драма „Щира любовь", напечатанная въ „Южно-Русскомъ Сборникѣ" Метлинскаго черезъ пять лѣтъ по смерти Квитки, была поставлена на харьковской сценѣ въ 1842 году. Содержатель харьковскаго театра Млотковскій публиковалъ еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, что по разобранной спектаклей пьесѣ Сѣдьмого праздника „Щира любовь" будетъ, успѣлъ нѣсколькими новыми піесами и въ томъ числѣ „Щирой любовью" Основяненка. „содержаніе которой основано на истинномъ происшествіи, бывшемъ въ Харьковѣ въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія" **. Поставить на сцену „Щиру любовь" весною не удалось. „Въ іюлѣ 1842 года, говоритъ Фортунатовъ, продѣзжавшій въ то время черезъ Харьковъ: готовилась къ постановкѣ на харьковскомъ театрѣ новая піеса Основяненка, которую онъ считалъ лучшимъ изъ своихъ драматическихъ произведеній" ***. Рѣчь, очевидно, идетъ о „Щирой любви". „Щира любовь" впервые шла 21 августа и была принята публикою съ громкими рукоплесками, но, театръ, не смотря на то, что авторъ, пользовался литературной извѣстностію и принадлежалъ къ числу мѣстныхъ жителей, не былъ совершенно полонъ *.

Подводя итоги всему сказанному о репертуарѣ харьковскаго театра временъ Млотковскаго, можно только повторить слова автора одной статьи, посвященной описанію Харькова и другихъ городовъ Харьковской губерніи и написанной въ началѣ 1838 года. Въ этой статьѣ, между прочимъ, говорится, что „въ харьковскомъ публичномъ театрѣ обыкновенно играютъ комедіи, водевили, иногда **, большія оперы и даже трагедіи". Подъ „трагедіей" авторъ статьи, очевидно, подразумѣваетъ и драмы, и мелодрамы. Напрасно только онъ на первый планъ поставилъ комедіи: мы видѣли, что тѣ давались очень рѣдко. Впрочемъ, въ то время принято было называть большую часть водевилей *комедіями-водевилями*, и объ нихъ-то можетъ быть и говорится въ статьѣ, о которой идетъ рѣчь. Одинъ трехъ-актный водевиль, замѣтимъ кстати, („Добрый геній"), именовался въ объявленіяхъ, вѣроятно, для пущей важности, даже „трилогіей" да еще „въ трехъ сутокахъ" ***.

III.

Во что обходилось Млотковскому содержаніе труппы? Это можно видѣть изъ росписи театральныхъ расходовъ за 1840 и 1841 годы ****. Въ 1840 г. они были исчислены Млотковскимъ въ 80,310 руб. ассигнаціями, не считая „содержанія собственнаго дома", и въ томъ числѣ главной артистки труппы, Л. Н. Млотковской. Вся эта сумма распредѣлялась по отдѣльнымъ рубрикамъ такимъ образомъ: актеръ Соленикъ получалъ въ годъ 2,400 руб. * и 2 бенефиса, Бабанинъ и Рыбаковъ получали по 1,800 руб. и по 2 бен., режиссеръ Соколовъ получалъ 1,800 руб. и 1 бен., Алексѣй Ленскій—1,500 руб. и 1 бен., актеръ Завидовъ и капельмейстеръ Бурицкій получали по 1,500 руб. и по 1 бен., декораторъ Лордашъ получалъ 1,500 руб., дѣвѣ балетмейстеріи: Царева и Полякова и актеръ Павелъ Ленскій по 1200 руб. и по 1 бен., Карабановъ получалъ 1,000 руб. и 1 бен., Домбровскій 800 руб. и 2 бен., Зелинская и Бардакова по 800 руб. и по 1 бен. и, кромѣ того, жили „на всемъ содержаніи" антрепренера, дѣвѣ сестры Протасовы получали вмѣстѣ 1,560 руб. и 1½ бен., актеры Бутвій, Завадскій и помощникъ капельмейстера Поливановъ получали по 800 руб., помощникъ декоратора и кассиръ (Цареръ) по 600 руб., суфлеръ получалъ 500 руб., актриса Лисицына получала 400 руб. и жила „на всемъ содержаніи". „На всемъ содержаніи" жили и три хористки, получавшія отъ 300 до 360 руб., и одинъ хористъ, получавшій 180 руб., остальные четыре хориста не имѣли ничего, кромѣ жалованья (отъ 360 руб. до 580 руб.). „На всемъ содержаніи и одѣяніи" Млотковскаго жили также „12 дѣвочекъ танцорокъ"; на нихъ у него шло 1,380 руб., значитъ каждая „дѣвочка танцорка" обходилась ему 115 руб. въ годъ (жалованья имъ не полагалось). Оркестръ состоялъ изъ 18 музыкантовъ. Они всѣ получали жалованье, но кромѣ того, тоже имѣли готовую квартиру, отопленіе и освѣщеніе. Оркестръ обходился Млотковскому въ общей сложности въ 8,000 руб., а считая и дирижеровъ, — въ 10,300 руб. „На содержаніи" Млотковскаго жили также и всѣ остальныя лица, служившія при театрѣ, какъ то: портной и его помощникъ (первый получалъ 900 руб., второй 300 руб.), столяръ (получалъ 500 руб.),ламповщикъ, 4 капельдинера, 2 афишера, сторожъ, 2 работника и „смотрительница за вышинками" (они всѣ получали жалованья отъ 180 до 300 руб.) Считая всѣхъ состоявшихъ въ труппѣ и при ней, начиная съ самого Млотковскаго и кончая театральною прислугою, выйдетъ, что весь театральный штатъ доходилъ до 80 человѣкъ. Изъ нихъ болѣе 50 человѣкъ жили „на содержаніи" Млотковскаго круглый годъ. Кромѣ того, онъ доставлялъ „все содержаніе" цѣлой труппѣ и всѣмъ состоящимъ при ней лицамъ въ теченіе двухъ, а иногда и болѣе мѣсяцевъ лѣтняго сезона, когда происходило кочованіе по многоразмѣрнымъ ярмаркамъ. „Проѣзжать съ труппою въ другіе города, изъѣзжать, наемъ театровъ, устройство и содержаніе труппы на своемъ иждивеніи" обходились Млотковскому въ 12,800 руб. Остальные расходы: освѣщеніе театра—3,440 руб., стекла для лампъ—350 руб., декораціи—2,615 руб., печатаніе афишъ—2,615 руб., бумага для афишъ—1,590 руб., костюмы—2,125 руб., отопленіе и разные реквизиты, потребные для театра"—1,850 руб., жандармы—1,323 руб. „На содержаніе собственнаго дома и другіе расходы домашніе, кромѣ расходовъ: театральные костюмы для жены, для дѣтей, учителя, мадамъ, прислуга и проч." Млотковскій ассигновалъ 31,000 руб., т. е. приблизительно столько-же, сколько шло у него на жалованье всей труппѣ.

Если перевести на серебро оклады артистовъ и артистокъ харьковскаго театра начала 40-хъ годовъ, то окажется, что это оклады возобладись приблизительно между 700 (Соленикъ) и 80 рублями годового жалованья, т. е. между *семью и пятьюдесятью* рублями въ мѣсяцъ. Вообще, про тогдашнихъ актеровъ нельзя было сказать, что у нихъ деньгъ куры не клевали. А между тѣмъ въ Харьковѣ трудъ театральныхъ дѣятелей вознаграждался лучше тѣмъ во многихъ другихъ провинціальныхъ городахъ. Въ Таганрогѣ, напримѣръ, никто изъ нихъ не получалъ (и при томъ даже уже во второй половинѣ 40-хъ годовъ) болѣе 150 р. асс. въ мѣсяцъ *. Правда, тѣ члены труппы, которымъ полагались бенефисы, имѣли въ нихъ не малое подспорье и, при удачѣ, могли получить съ нихъ столько же, сколько получали за цѣлый годъ въ видѣ жалованья. Къ тому же, какъ мы видѣли, въ теченіе цѣлаго лѣта никому изъ служившихъ при театрѣ не приходилось тратиться ни на квартиру, ни на столъ. Во всякомъ случаѣ въ труппѣ Млотковскаго были актеры, которые по своему матеріальному положенію, ничуть не отличались отъ капельдинеровъ и афишеровъ и даже, пожалуй, могли показывать имъ. Что же касается до болѣе видныхъ членовъ труппы, то они могли вести вполнѣ безбѣдное существованіе. Дѣло въ томъ, что тогдашняя жизнь въ Харьковѣ отличалась замѣчательною дешевизной. Комната со столомъ, и при томъ недалеко отъ центра города, стоила не болѣе 200 руб. асс. въ годъ **.

Расходы на 1841 годъ были почти слѣдны Млотковскимъ на 6,500 руб асс., больше сравнительно съ расходами 1840 года, потому что въ теченіе этого года изъ труппы выбыли пять человѣкъ, получавшіе въ годъ 4,900 руб., „вновь же поступили въ началѣ 1841 года Алексѣй Ленскій (годовой окладъ 1,500 руб. и 1½ бен.), пѣвица Львова (1,200 руб. и 2 бен.), пѣвецъ Бебенъ (1,200 руб. и 1 бен.), актриса Полякова съ сыномъ (800 руб. и 1 бен.), два хориста, одна хористка и суфлеръ (по 300 руб.), ламповщикъ съ его матеріаломъ, какъ то: лампами, масломъ, стекломъ, фитилемъ и проч." (за все онъ получалъ по условію 2,500 руб.) и „механикъ". Механикъ выговорилъ себѣ самую крупную цифру—3,000. Въ результатѣ расходы на 1841 годъ возвысились до 91,910 руб., а „содержаніемъ собственнаго дома" Млотковскаго до 122,910 руб. Такимъ образомъ, театральный бюджетъ въ тѣ времена колебался между 24½—26½, а „съ содержаніемъ собственнаго дома" антрепренера между 32—34 тысячами рублей сер. Бенефисовъ въ 1840 году было, въ общей сложности, считая два полубенефиса за одинъ полный бенефисъ,—20, а въ 1841 году—22½. Это значитъ, что одинъ бенефисный спектакль приходился приблизительно на каждые пять спектаклей. Полубенефисы, такъ же какъ и обезпеченные бенефисы, допускались лишь въ видѣ исключенія, общимъ-же правиломъ были полные бенефисы съ случайными сборами.

Говоря о только что приведенныхъ счетахъ, нельзя не сдѣлать оговорки. Онѣ были составлены, разумѣется, на основаніи свѣдѣній, сообщенныхъ Млотковскимъ, который въ то время только что выстроилъ новый театръ и имѣлъ основанія нѣсколько преувеличивать въ глазахъ публики и „начальства" свои расходы. Поэтому можетъ быть нѣкоторые изъ нихъ были показаны нѣсколько выше настоящихъ (это трудно допустить лишь относительно жалованья лицъ, состоявшихъ въ труппѣ и при театрѣ). На эту мысль наводятъ и комментаріи, которые были сдѣланы „Губернскимъ Вѣдомостями",—комментаріи, написанные съ цѣлью показать, что Млотковскій работаетъ совершенно безкорыстно. „Старый театръ нашъ, говорится здѣсь; при самыхъ многолюдныхъ сборахъ, не можетъ дать болѣе какъ 1,000 р." за спектакль; а такихъ спектаклей, бывающихъ только во время ярмарки, въ году не болѣе 35; въ остальное время обыкновенныя представленія приносятъ круглымъ числомъ не болѣе 400 рублей каждый. Если положить такихъ дней въ году 160, то и выйдетъ, что расходъ съ приходомъ равны, что Млотковскій ничего не выиграетъ отъ труппы". Этотъ выводъ, однако, совершенно ошибоченъ. Изъ цифръ, которыя указываетъ авторъ замѣтки, видно, что Млотковскій получалъ въ годъ 99,000 руб. асс., расходовалъ-же онъ отъ 85,610 р. до 91,910 р., слѣдовательно ему оставалось „на содержаніе собственнаго дома" если и не 31,000 руб., то приблизительно отъ 7-ми до 13-ти тысячъ. Эта сумма значительно увеличится, если принять во вниманіе сборы отъ спектаклей, бывавшихъ во время лѣтнихъ разъѣздовъ по ярмаркамъ. Повторяемъ, однако, что всѣ эти вычисленія не имѣютъ безусловной вѣрности, ибо въ нихъ есть рубрики, которыя никому не были извѣстны въ точности кромѣ Млотковскаго и которыя поэтому никто не могъ провѣрить... Н. Ч.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

* См. „Южный Край" № 4227.

** Костомарова — Литературное наслѣдіе, стр. 43.

* „Небывалый", 1867 г. № 14, *Воспоминаніе кіевскаго театрала.*

* Вѣроятно, въ переводѣ, напечатанномъ въ „Репертуарѣ" за 1841 г., № 2 и слѣдующемъ изъ пяти дѣйствій всего четыре. Говоримъ „вѣроятно", потому что другаго перевода въ то время не было.

** Вольфъ—Хроника петербургскихъ театровъ, 4, 31.

*** „Губ. Вѣд.", 1840 г., 18.

**** См. Театральныя объявленія въ „Губ. Вѣд." за 1840 и 1841 гг.

* Конечно, ассигнаціями.

* „Щира любовь" была объявлена въ первый разъ слѣдующимъ образомъ. „Протасова—Галочка, д-ца Крылова—Олена, Бабанинъ—Тарасенко, Николаевъ—Твердолобъ, Бобровъ—Питаковскій, Ленскій—Зоринъ, Домбровскій—Мыкола. Семенографскій, покъстивній отчетъ объ этомъ спектаклѣ въ „Репертуарѣ" 1842 года, говоритъ, что Николаевъ, Бобровъ и Домбровскій исполнили свои роли очень хорошо.

** „Губ. Вѣдом.", 1838 г., № 7.

*** „Губ. Вѣдом.", 1840 г., № 39.

**** См. „Губ. Вѣдом.", 1841 г., № 13.

* Здѣсь и дальше имѣется въ виду счетъ на ассигнаціи.

* Лаврова—„Сцена и жизнь", 123. Въ Ставрополѣ въ 1844 г. только одинъ режиссеръ получалъ 2,000 р. въ годъ, да еще одинъ актеръ 1500 руб. жалованья; другихъ исполнителей болѣе видныхъ ролей не превышало 750—1,250 руб. (Репертуаръ, 1844 г., кн. II, *Очаровательная театра*).

** Данилевскаго—Украинская старина. 186.

* Мужъ и жена Шуплиц, Завидова, Завадской и Бутвій.

* Ассигнаціями.